

Державний заклад
«Луганський національний університет
імені Тараса Шевченка»

Кафедра російського мовознавства та комунікативних технологій
Науковий інститут прямої демократії
(Цюрих — Женева, Швейцарія)

НАУКОВІ ЗАПИСКИ
ЛУГАНСЬКОГО НАЦІОНАЛЬНОГО
УНІВЕРСИТЕТУ

СЕРІЯ «ФІЛОЛОГІЧНІ НАУКИ»

ЗБІРНИК НАУКОВИХ ПРАЦЬ

№2(34)2011

НАУКОВИЙ ПРОСТІР ДИСКУРСОЛОГІЇ - РЕТРОСПЕКТИВНО-
ПРОСПЕКТИВНИЙ ВИМІР

Луганськ
ДЗ «ЛНУ імені Тараса Шевченка»
2011

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОЙ ИРОНИИ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО)	
<i>Рыбальченко Ольга Владимировна (г. Краснодар, Россия)</i>	<u>213</u>
«КРУТАЯ» МЕТАФОРИКА СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	
<i>Соболева Ирина Александровна (г. Луганск, Украина)</i>	<u>222</u>
ЭВОЛЮЦИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ ЯЗЫКА СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ	
<i>Сытина Алла Викторовна (г. Краснодар, Россия)</i>	<u>236</u>
ОБРАЗНАЯ СПЕЦИФИКА СОВРЕМЕННОГО ЖЕНСКОГО ПРОЗАИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	
<i>Туралина Неонила Альфредовна (г. Белгород, Россия)</i>	<u>244</u>
СЛОГАН КАК ЖАНР СЖАТОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕКСТА	
<i>Унукович Екатерина Андреевна (г. Луганск, Украина)</i>	<u>252</u>
РЕЧЕВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ В БЛОГ-КОММУНИКАЦИИ: РИТОРИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	
<i>Шмаков Артём Алексеевич (г. Барнаул, Россия)</i>	<u>261</u>

ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО. НОВЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ СРЕДЫ

О МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ, НЕ СВЯЗАННОЙ С НАЦИОНАЛЬНЫМИ РАЗЛИЧИЯМИ	
<i>Лассан Элеонора Руфимовна (Литва)</i>	<u>267</u>
НОРМАТИВНЫЕ И НЕНОРМАТИВНЫЕ КОНТЕКСТЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ОБРАТНОЙ СВЯЗИ В МЕЖЛИЧНОСТНОМ ОБЩЕНИИ	
<i>Масленников Игорь Сергеевич (г. Луганск, Украина)</i>	<u>274</u>
«ОЛБАНСКИЙ ЯЗЫГ» КАК ЯВЛЕНИЕ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ	
<i>Минаева Элла Викторовна (г. Луганск, Украина)</i>	<u>293</u>
ГОНОРАТИВИ КЛІРУ У МЕЖКУЛЬТУРШІЙ КОМУНТКАЦІЇ	
<i>Михайленко Валерш Васильович (м. Чертовц, Украта)</i>	<u>304</u>
ФЕНОМЕН ЮРОДСТВА В РУССКОЙ СМЕХОВОЙ КУЛЬТУРЕ	
<i>Мороз Андрей Анатольевич (г. Бердянск, Украина)</i>	<u>312</u>

«КРУТАЯ» МЕТАФОРИКА СОВРЕМЕННОГО МЕДИАПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Ирина Александрова Соболева,
*кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языкознания
и коммуникативных технологий
Луганского национального университета
имени Тараса Шевченко*

*Чтобы раскрылось бытие
во всей своей
потайной явленности, слушающий должен свободно отдать
себя власти образа.*

Хайдеггер

*Толпа мыслит образами...
Толпа, способная мыслить
только образами,
восприимчива только к образам.
Только образы могут увлечь ее или
породить в ней ужас и сделаться
двигателями ее поступков.*

Ле Бон

Последние два десятилетия в Украине характеризуются политическим антагонизмом и поляризацией мнений, когда партнеры не столько не слышат (или не хотят слышать) друг друга, сколько не всегда адекватно понимают собеседника, оппонента и т. д. В этой ситуации необходимость поиска общего языка приобретает решающее значение. Действительно, в тех случаях, когда коммуникация идет свободно, никто, как правило, не задумывается над значениями слов и их коннотациями, но когда в общении возникают преграды и барьеры, самое время задаться вопросом, понимают ли друг друга разные стороны, пользуются ли они общими понятиями и не получается ли так, что употребляя на первый взгляд одни и те же слова, они говорят на самом деле на «разных» языках.

Внимание к словам, понятиям и образам, когда речь идет о политике, совершенно обоснованно, так как политическая деятельность — это в первую очередь деятельность дискурсивная, то есть осуществляющаяся в виде разного рода текстов. Политики не всегда осознают это, напоминая мольеровского Журдена, который не догадывался о том, что говорит прозой. Политическая реальность создается собственно тем, что сказано или написано, а каждое публичное высказывание действующего политика тождественно социальному действию, хотя смысл такого действия не равен буквальному значению употребляемых слов. Если внимательнее присмотреться к словам, то перед нами могут открыться новые аспекты политической действительности.

Цель статьи — анализ метафорической картины политического мира современной Украины, в значительной степени влияющей на интерпретацию событий и реалий нашей жизни.

При анализе использовались как журналистские публикации в русскоязычных СМИ Украины, так и высказывания политиков.

Медиаполитическая метафора всегда была одним из наиболее влиятельных языковых средств, позволяющих сделать информацию не только общедоступной, но и оперативно воздействующей и спонтанно воспринимаемой. Описывая системообразующие признаки

политического дискурса, Е.И. Шейгал обосновала, на наш взгляд, абсолютную зависимость этого вида дискурсивной деятельности от тропического принципа организации. Так, специфика информативности политического дискурса влечет за собой «примат ценностей над фактами», преобладание иррационального и эмоционального; смысловая неопределенность приводит к размытости семантических границ и идеологической полисемии, которая, как всякая полисемия, является базой для создания метафоры. Фантомность, фидеистичность (проявление магической функции языка), эзотеричность (тайноречие) и др. свойства медиаполитического дискурса свидетельствуют о том, что его невозможно представить без метафоры [16, с. 44—58].

Во все времена метафора в СМИ выполняла роль маркера, дающего готовую ситуативно-смысловую модель оценки. Безусловно, в постсоветскую эпоху публицистическая метафора радикально изменилась и внешне и внутренне. Появилось много работ, посвященных языку медиа и метафоре в «новом» языке «новых» СМИ (см. работы М.Р. Желтухиной, А.П. Чудинова, В.И. Шейгал, Э.В. Будаева, Э.В. Михалевой и др.).

Что же происходит с метафорой в украинском медиаполитическом дискурсе? Современная технология дискурс-анализа позволяет выйти за пределы эмпирически-интуитивного понимания политических текстов и ответить на этот вопрос. Первый вывод, который мы можем сделать после такого анализа: в отличие от российских СМИ, где метафора активизируется и затухает циклично, в зависимости от конъюнктуры политического рынка, метафора в украинских медиа продуктивна и востребована перманентно. Второй вывод: украинская медиаполитическая риторика построена как риторика обид, угроз, оскорблений и раздела на «своих» и «чужих». Отсюда и специфика метафорики украинского политического дискурса, определяемая, на наш взгляд, комплексом дискурсивных процессов: появилось огромное количество образных средств, созданных не книжными, а сниженными (разговорно-просторечными, жаргонными, арготическими и даже обценными) средствами. По сравнению со сниженными метафорами в российских медиа они имеют свои яркие отличительные особенности и в словарном составе, и в парадигме сфер-источников или метафорических фреймов. Однако роднит их то, что эти тропы выполняют помимо аксеологических и манипулятивно-софистические задачи, прагматично внушая и формируя у адресата выгодные определенным политическим силам представления, оценки, идеи и т. д. Современная концептуальная метафора стала орудием в разнообразных манипулятивных технологиях, с помощью коннотативного компонента безнравственности структурируется социальная действительность, формируется оценка, точка зрения, позиция. Поэтически выраженная мысль играет огромную роль в программировании поведения людей, она стала поистине материальной силой современной идеологии.

Медийной метафоре свойственно выступать в функции ярлыка, метки, пропагандистского штампа, навешиваемого на политического оппонента — лицо или группу лиц, которым приписывают вину за сложившуюся ситуацию. Многие современные исследователи языка СМИ говорят о том, что «наклеивание ярлыков» — обязательный ритуал для общественных, социально-политических конфликтов. Особо следует отметить, что «репертуар» таких ярлыков-метафор будет отличаться в зависимости от политической ангажированности различных медиа. Так, к примеру, в региональных луганских газетах, с их явно преобладающим вектором тяготения к Партии регионов, преобладают метафоры, определяющие события 1994 года в Киеве как *дьявольский шабаш, оранжевую чуму, переворот*, а участников этих событий, соответственно, как *обманутых, обдуренных, кинутых, обкуренных, стоящих там за деньги, майданутых...* В идеологически полярных Партии регионов СМИ, напротив, аксиологическая составляющая метафорики, посвященная этим же событиям, прямо противоположна: *демократическая оранжевая революция, взрыв народного самосознания, борьба за*

независимость и демократические ценности и соответственно, *герои революции / Майдана, борцы за свободу, цвет нации* и т.д.

Как показывает наш анализ, в украинском медиаполитическом дискурсе регулярно используются следующие фреймовые источники метафор: 1) фрейм «**Театр, цирк, шоу**» (*политическое шоу, силовой сценарий, театр абсурда, топ-игроки, политики на манеже, политическое представление, кульбиты власти, политический стриптиз*); 2) фрейм «**Война, армия**» (*ударная сила, минное правовое поле, жажда реванша, заложники ситуации, предвыборная атака, агитационный штурм*); 3) фрейм «**Природа, животные**» (*тушки коалиции, собачьи бои в Раде, политический вольер, крыло партии, белые вороны в партии, затхлая атмосфера, рассадник коррупции, политики превратились в овощей-конформистов*); 4) фрейм «**Болезнь**» (*оглохшая к мнению граждан страна, вскрыть гнойники коррупции, буйные депутаты, эпидемия диктатуры*); 5) фрейм «**Спорт**» (*избирательный марафон, сойти с предвыборной дистанции, аутсайдер выборов, получить красную карточку от президента*); 6) фрейм «**Профессиональная деятельность**» представлен различными слотами: 1) слот «**Бизнес**» (*кредит доверия, политические дивиденды, партнеры по политическому бизнесу, политическая сделка*); 2) слот «**Компьютерные технологии**» (*перезагрузка власти, чайник в политике, юзер в политике, админ в партии*) 3) слот «**Политическая деятельность**» (*правильная галочка в бюллетене, вброс голосов, явка избирателей, номер один в списке, избирательная карусель, предвыборное лукавство*); 7) фрейм «**Жизнь, быт**» (*политическая кухня, рецепт Кремля, социальные подачки, слуги народа, глухая стена безразличия, страны-новички ЕС*); 8) фрейм «**Медицина**» (*шоковая терапия, инъекции популизма, прививка демократии, реанимационные действия правительства, средняя температура по стране*) и др.

Учитывая тот факт, что метафора — «наиболее продуктивное средство приспособления языка к постоянно видоизменяющемуся отражению мира и миропониманию» [12, с. 72—81], огромный научный интерес представляют наблюдения, связанные с изучением смены метафорических парадигм (фреймов и слотов).

В связи с чрезвычайно высокой степенью концентрации, вращающегося арготического и сленговых средств в язык политического дискурса, можно предположить, что ряд ключевых, концептуально значимых для медиаполитического языка слов, транспонированных из арго, молодежного сленга или наркожаргона (*кинуть (кидалово), обломаться (облом), беспредел, прогнуть (прогиб), мочить (мочилово), раскрутить (раскрутка), халява, крыша (крышевать), разборка, крутой, откат* и др.) стали метафоризироваться и создавать разветвленные ряды тропеических средств.

Каждый из вышеназванных жаргонизмов рождает пучки концептуальных метафор, вызывает аксиологические ассоциации. Такие метафоры отражают и определяют жизнь и ценности социума. СМИ, используя их, привлекают и используют внимание адресата, а также формируют стереотипы восприятия политических реалий, изменяют направление политических (и не только) приоритетов.

Значительную часть метафор, созданных с помощью жаргонно-просторечных средств, составляют те, которые обладают концептуальной дискурсивно-контекстной семантикой. Это такие, на наш взгляд, образные средства, которые и вне контекста содержат в себе экспрессию дискурса, осколками которого они являются, несут в себе эмоциональную память о речевом акте, их породившем. Например: *Базар в горсовете* (заголовок); *политический лохотрон; крышевание* бизнеса; *политический откат; торговля фейсом; государственная грабилька; шестерки в партии; заначки Национального банка; в БЮТе сплошной отходняк; государство должно стоять «на шухере»; партийные отморозки; Украина-российский совет в доле* и др.

Интересна история «вброса» в медиаполитический язык Украины арготизма «*дерибан*». С «легкой руки» Ю.В. Тимошенко в политический репертуар Украины прочно вошел как этот арготизм, так и производные от него «*дерибанить*», «*раздерибанить*». В

«Словаре русского арго» В.С. Елистратова «**дерибан**» имеет помету — «из жаргона квартирных воров» — и обозначает: «делег нагробленного после совершения кражи или разбоя» [4, с. 147]. Примеры: 1. *Посмотрите, как в Киевграде **дерибанят** землю.* (Бульвар Гордона № 21, 2010); 2. *Донецкие в первое пришествие во власть были озабочены **дерибаном** Украины.* (Корреспондент № 12, 2010); 3. *Власть и **дерибан** — близнецы-братья!* (Фокус № 3, 2010).

Самым плодотворным источником таких жаргонных метафор является арго, столь масштабно и прочно вросшее в современную языковую реальность. В медиаполитической метафоре арготизм частотно занимает позицию оценочного предиката: 1. *Представителей той власти **прессуют** по полной программе. Что тут поделаешь — разгул демократии!* (Корреспондент № 14, 2011); 2. *Социалисты ничего не **поймали** с того, что МВД возглавлял «их» человек* (Реальная газета № 42, 2010); 3. *Народ или разуверился или попросту **забил** на эту власть* (Корреспондент № 13, 2011). Субъектом оценки в этих метафоризованных жаргонных глаголах выступает коллективный медиаполитический адресант — рефлексировующий субъект, прагматично выстраивающий образно-оценочное суждение, обусловленное социально-политическими взглядами, приоритетами или другими интересами. Объектом оценки может являться конкретный политический референт (его взгляды, действия) или прагматическая ситуация в целом. Например: «*Олигархам нужны были люди совсем иного типа. Умеющие «**прихватить**», «**распилить**», «**откатить**», «**дожать**» т. д.*» (АиФ в Украине № 31, 2010). Образный предикат, выделенный парцелляцией, соотносится с определенными политическими силами или персонами. Функционирование в медиаполитическом языке подобных тропов направлено на обнажение тупиковости политической ситуации, неприятия такого мира. Подобный метафорический репертуар — своеобразная реакция на абсурдные, алогичные явления нашей социально-политической действительности.

В результате такого сращения политического и уголовного жаргонов происходит объединение этих сфер в сознании адресата. Такого рода семантический, стилистический, эмоционально-экспрессивный и шире мировоззренческий симбиоз приводит к глобальным переоценкам ценностей и смене морально-нравственных ориентиров современного социума.

Совершенно очевидным является то, что использование элементов других профессиональных, корпоративных жаргонов (юридического, чиновничьего, компьютерного и др.) носит спорадический характер и в большинстве случаев объясняется решением локальных стилистических задач (передачи эмоционального состояния, особенностей речи, создания иронического эффекта и т.д.). Тогда как использование элементов арго обусловлено более глубокими прагматическими целями, направленностью на реализацию иллюкутивных задач высказывания.

Актуальным в рамках рассматриваемой проблемы является также и то, что значимую моделирующую функцию в структуре современного медиаполитического жаргона выполняют элементы наркожаргона, формируя, в частности, сквозную метафору «Государство — больной организм».

Например: 1. *Правительство **под кайфом*** (КП в Украине № 18, 2011); 2. *Самое опасное заключается в том, что народ явно сам хочет **подсесть** на эту отравленную ядом безответственного популизма **иглу*** (Луганская правда № 35, 2010); 3. *Народ хочет, чтобы за него думали и все делали **вожди**. Его даже не пугает будущая **крутая ломка** привычного уклада жизни. Все больше «**идеологически обкуренных**» появляется сегодня на улицах украинских городов и сел* (АиФ в Украине № 42, 2010); 4. *Министры не могут слезть с **дискуссионной иглы*** (КП в Украине № 18, 2010).

Наркожаргон, так же, как и арго, сленг, представлен в медиаполитическом дискурсе и как средство общения политиков. Таким образом, политики включены в общую метафорическую модель как субъекты в роли — «больные», «наркоманы»: «*А с таким*

объемом инвестиций мы **от ломки загнемся!** — перешел на жаргон теневой премьер-министр» (Факты № 8, 2007).

Так же, как и в случае с функционированием арготизмов и сленгизмов, политики и журналисты переосмысливают и модифицируют элементы жаргона наркоманов. Ярким примером лексической деривации, созданной на базе наркожаргона, является, на наш взгляд, лексема «**ширка**» в значении «широкая (объединенная) коалиция». Например: *Бютовцы и слышать не хотят о широкой коалиции с Партией регионов и коммунистами, пренебрежительно называя ее **ширкой*** (Факты № 54, 2007). В жаргоне наркоманов «ширка» — один из способов наркотического опьянения [10], а в современном медиаполитическом жаргоне — омонимичный троп, слово-телескопизм, созданное по принципу «игрословия», широко распространенного в сленге.

Представленные примеры наглядно демонстрируют механизм формирования тропеической речевой субкультуры медиаполитического дискурса. Коллективное бессознательное (коннотативное) не просто черпает языковой материал из сниженных (внелитературных) подсистем, контекстная семантика этих образных средств травестируется, наполняется неким карнавализованным смыслом. Подобные семантические приращения приводят к аксиологическому снижению темы, идеи, мотива нарратива и всего дискурса в целом.

Современная жаргонно-просторечная метафора является не столько риторическим приемом, сколько особой познавательной (когнитивной) моделью, с помощью которой мир и описывается, и прогнозируется, и навязывается как картина мира. Можно утверждать, что жаргонные метафоры стали концептуальными мифогенами нашей политической реальности. Они также, как оруэлловский новояз, представляют собой язык с замещенными смыслами и являются мощным орудием манипуляции. Их манипуляционная природа состоит в наличии двойного воздействия — наряду с метафорическими жаргонизированными смыслами, они получили политико-социальную метафорическую семантику и в результате такого сращения обладают взрывоопасной, разрушительной тропеической энергетикой. Манипулятор всегда уверен в том, что, посылая с помощью этих образных средств «закодированный» сигнал, разбудит в сознании адресата те образы, которые ему нужны. С. Кара-Мурза считает, что скрытое воздействие всегда опирается на «...способность создавать в сознании образы, влияющие на чувства, мнения и поведение. Искусство манипуляции состоит в том, чтобы пустить процесс воображения по нужному руслу, но так, чтобы человек не заметил скрытого воздействия. То есть образы, как и слова, обладают суггесторным значением и порождают цепную реакцию воображения... Двадцатый век показал немислимые ранее возможности знаковых систем как средства власти» [6, с. 98—99].

Осмелимся добавить, что двадцать первый век пойдет дальше в совершенствовании своих манипулятивных технологий и к «семантическому террору» добавит «метафорический террор» — «убийство» слов, обладающих глубокими множественными смыслами ради подмены этих смыслов и использования их в создании новоязов и мифогенов. Именно по этому пути идут современные медиа, нещадно эксплуатируя жаргонные (прежде всего арготические) образы. Кто бы мог представить себе этот глубоко манипулятивный и изощренный способ использования жаргонных средств в далеких уже «лихих» 90-ых, когда журналисты «щеголяли» друг перед другом жаргонными словечками как средством проявления то ли свободы слова, то ли беспредела и вакханалии. Метафоры, созданные на базе криминальных жаргонизмов и словами «лагерной тематики», тогда тоже встречались, но это были частные случаи. Сейчас же концептуальные жаргонные метафоры, обладая суггесторным значением и оценкой, создают специфическую криминальную картину мира, порождают цепную реакцию воображения, резко снижают порог усилий, необходимых для восприятия сообщения и являются мощным манипулятивным средством.

Многочисленные жаргонизированные метафоры стали привычными образными средствами украинского медиаполитического дискурса, можно предположить, что они заменили пропагандистский официоз советских времен и стали идеологизированными клише, симулякрами новейшего поколения. В подобной метафорике кроются не только инвариантные признаки языка власти, в них культивируются мнимые денотаты, разрываются, отдаляясь друг от друга, вербальный и предметный миры. Подобные дискурсивные явления можно считать мифогенами нашего времени, поскольку с помощью активного внедрения подобных тропеизмов, лишенных денотативной основы, виртуализирующих действительность, порождаются новейшие мифы, которые, в конечном счете, лишают адресата способности к полноценной самостоятельной ориентации и почти всецело подчиняют его целям манипуляторов.

Иначе говоря, несмотря на то, что образный инструментарий современных медиа полярно отличается от пропагандистского лексикона времен тоталитаризма, человек продолжает оставаться в информационном рабстве — сейчас его заставляют смотреть на мир через жаргонно-просторечную систему ценностей и оценок.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры : сб. науч. тр. / Н. Д. Арутюнова. — М. : Прогресс, 1990. — С. 5—32.
2. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. — М. : Наука, 1988. — 263 с.
3. Баранов А. Н. Словарь русской политической метафоры / А. Н. Баранов, А. Н. Караулов. — М. : Помовский и партнеры, 1994. — 351 с.
4. Елистратов В. С. Словарь русского арго / В. С. Елистратов. — М. : Русские словари, 2000. — 694 с.
5. Желтухина М. Р. Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса : о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ / М. Р. Желтухина. — М. : Волгоград : ВФ МУПК, 2003. — 656 с.
6. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием / С. Кара-Мурза. — М. : Эксмо, 2004. — 832 с.
7. Космеда Т. А. Історико-політичний дискурс: особливості репрезентації ключових слів ХХ сторіччя // Наукові записки Луганського національного університету : зб. наук. праць [Пред'явлення світу в гуманітарних дискурсах] / Т. А. Космеда. — Луганськ : Вид-во ДЗ «ЛНУ ім. Т. Шевченка», 2009. — Ч. 1: Філологічні науки. — С. 45—56.
8. Метафора в языке и тексте / [под. ред. В. Н. Телия]. — М. : Наука, 1988. — 176 с.
9. Моченов А. В. Словарь современного жаргона российских политиков и журналистов / А. В. Моченов, С. С. Никулин, А. Г. Ниясов, М. Д. Саввоитова. — М. : Русский язык, 2003. — 384 с.
10. Никитина Т. Г. Так говорит молодежь : Словарь сленга / Т. Г. Никитина. — СПб. : Фолио-Пресс, 1998. — 592 с.
11. Пастухов А. Г. «Не до икры» : предварительный анализ медиаоценок кризисного дискурса // Наукові записки Луганського національного університету : зб. наук. праць [Пред'явлення світу в гуманітарних дискурсах] / А. Г. Пастухов. — Луганськ : Видавництво державного закладу «ЛНУ імені Тараса Шевченка», 2009. — Ч. 1: Філологічні науки. — С. 89—103. — (Вип.8).
12. Пристайко Т. С. Метафора и научная картина мира // Наукові записки Луганського національного університету: зб. наук. праць [Норми та парадокси свідомості й мислення] / Т. С. Пристайко. — Луганськ : Альма-матер, 2006. — С. 72—81. — (Вип. 6. Серія: Філологічні науки).
13. Синельникова Л. Н. Языковые симулякры как материализованная энтропия, или в мире заблуждений // Наукові записки Луганського національного університету: зб. наук. праць [Структура представлення знань про світ, суспільство, людину : у пошуках нових

змістів] / Л. Н. Синельникова — Луганськ : Альма-матер, 2003. — Т. 1: Філологічні науки. — С. 216—230.

14. Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке : сб. науч. тр. / В. Н. Телия. — М. : Высшая школа, 1998. — С. 173—204.

15. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале. Когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) / А. П. Чудинов. — Екатеринбург : Урал гос. пед. ун-т, 2001. — 238 с.

16. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — М. : Гнозис, 2004. — 326 с.

Соболева І.О. «Крута» образність сучасного медіаполітичного дискурсу.

Статья посвящена актуальным проблемам медіаполітичного дискурсу, аналізу метафоричної картини політичного світу сучасної України.

Ключові слова: медіаполітичний дискурс, метафорика, троп, жаргон, аргументація, просторіччя, концепт, когнітивна модель.

Соболева И.А. «Крутая» метафорика современного медиаполитического дискурса.

Статья посвящена актуальным проблемам медиаполитического дискурса, анализу метафорической картины политического мира современной Украины.

Ключевые слова: медиаполитический дискурс, метафорика, троп, жаргон, просторечие, концепт, когнитивная модель.

Soboleva I.A. «Krutaya» metaphors of the modern mediapolitical discourse.

Some topical issues of mediapolitical discourse, analysis of the metaphorical picture of the political world of today's Ukraine are considered in the article.

Key words: mediapolitical discourse, metaphors, trope, jargon, argot, colloquial language, concept, cognitive model.